

УДК 81'366.584

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И РАННЕЙ НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

П. Э. Егизарян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблематика будущего времени, представленная в трудах античных философов и грамматистов. Мы рассматриваем вопросы бытия времени, гипотетичности высказываний о будущем и места будущего во временной системе языка, которые впервые были подняты в древности, но продолжают быть актуальными и в современной науке.

Ключевые слова: античность, история лингвистических учений, темпоральный дейксис, время глагола, будущее время.

Abstract: the article deals with the problem of the future tense presented in the works of the ancient philosophes and grammarians. We discuss the questions of the time existence, the hypothetical character of the statements about future, the place of future in the language's tense system. All these questions were firstly raised in the Antiquity, but they are still essential for the modern science.

Key words: antiquity, history of linguistics, temporal deixis, verbal tense, future tense.

Попытки систематизировать данные об окружающем мире приводят к возникновению в Греции около VI в. до н. э. философии и науки, которые первоначально не разделяются [1], и именно философы впервые поднимают множество вопросов, которые далее будут актуальны для научных исследований. Это касается и проблем языка.

В настоящей статье мы рассмотрим те аспекты древнегреческой философии времени, которые повлияли на понимание будущего времени в языке, и от этого перейдем к описанию футурума в зарождающейся лингвистической традиции, представленной древнегреческими и римскими грамматистами.

Время в древнегреческой философии

Изучая время, древнегреческие философы столкнулись с различными проблемами. В их трудах поднимаются такие вопросы, как бытие времени, соотношение времени и вечности, членение времени, соотношение времени, мира вещей и мира идей. Безусловно, тема времени в древнегреческой философии весьма обширна, поэтому мы обратим внимание на авторов, философские идеи которых оказались особенно важными для изучения языкового воплощения времени.

Первый философ, на которого следует обратить внимание, рассматривая понимание времени в Древ-

ней Греции, – это Зенон из Элеи (ок. 490 – ок. 430 гг. до н. э.). Его собственные работы до нас не дошли, однако взгляды Зенона известны нам в основном по трудам Аристотеля.

Широко известны апории Зенона, которые пересказывает Аристотель в «Физике»: «Ахиллес», «Дихотомия», «Стрела» и «Стадий». Своими апориями Зенон стремится показать парадоксальность рассуждений о движении, а значит, его иллюзорность. Каждая апория имеет отношение к континууму, будь то пространственному (как, например, в «Стадии») или временному (как в «Стреле»). Континуум он понимает как сумму отдельных неделимых частей (в случае со временем – сумму моментов, которые можно назвать «теперь»), и в каждой из апорий сущность такого континуума оказывается причиной противоречия. В итоге Зенон делает вывод о том, что истинный объект изучения философа и ученого – это статичное бытие, а чувственный мир, включающий в себя становление, изменение, развитие, текучесть (ср. обобщение Πάντα ῥεῖ, «Все течет», приписываемое Гераклиту, 544–483 гг. до н. э.), не достоин рассмотрения [2].

Таким образом, первые попытки философского осмысления сущности континуума (и в частности, времени) приводят к противоречиям. Тем не менее более поздние философы неоднократно возвращаются к поднятым проблемам и пытаются найти им решение. Самые важные ответы на парадоксы Зенона

дают Платон, Аристотель и Плотин [2], однако мы остановимся лишь на концепции Аристотеля, поскольку в ней наиболее четко усматриваются те идеи, которые окажутся применимы и в изучении языка.

Аристотель в своей «Физике» утверждает, что время состоит из двух частей: того, что уже было и чего уже нет, и того, что будет и чего еще нет. Настоящее, по мнению Аристотеля, не является одной из частей времени, поскольку целое должно складываться из частей, а время не состоит из настоящего. Более того, он обращает внимание на то, что с помощью настоящего время делится на будущее и прошлое, и каждый раз это делается по-новому. Из этого делается вывод, что между частями нет связи (за исключением случаев, когда рассматривается больший отрезок времени и меньший в его составе). Соответственно, по Аристотелю, нет ни прошлого, ни будущего, ни связи между ними, есть только «сейчас», в котором заключено все остальное [3].

Другим автором, которого следует упомянуть, является Блаженный Августин (354–430 гг.). Он стоит на рубеже Античности и Средневековья, и некоторыми авторами считается уже средневековым философом [2], взгляды которого подводят некоторый итог достижениям Античности.

Высказывания Августина относительно времени носят во многом апологетический характер, он polemизирует с критиками христианства и вообще с критиками идеи единого трансцендентного Бога, сотворившего время и находящегося вне него. Рассуждая над вопросами творения времени, Августин пытается выстроить целостную теорию бытия времени и его восприятия человеком.

Пытаясь объяснить сущность времени в противопоставлении вечному и вневременному бытию Бога, он высказывает мысли, схожие с воззрениями Аристотеля, однако развивает, дополняет их и приходит к несколько иным выводам. Он, как и Аристотель, изучает делимость времени и говорит о том, что прошлого уже нет и будущего еще нет, при этом все же считает настоящее существующим. Однако на основании того, что можно правдиво рассказывать о прошлом, верно обдумывать и предсказывать будущее, Августин делает вывод, что прошлое и будущее все же существуют, но лишь в той мере, в которой человек может размышлять о них в настоящий момент. Таким образом, он считает верным говорить не о трех временах, а о трех видах настоящего в нашей душе: первое – память о прошлом, второе – созерцание настоящего, третье – ожидание будущего.

Если обобщить философские воззрения Августина на будущее (не касаясь богословской проблемы откровения), можно сказать, что он акцентирует внимание на нашем предчувствии будущего, исходящем из предпосылок в настоящем. Сущностно же, по-ви-

димому, небытие будущего у него не противопоставляется небытию прошлого: и то, и другое не существует автономно [4].

Таким образом, уже античными авторами с их высказываниями о ходе времени обозначается проблематика, до сих пор исследуемая как философами, так и лингвистами: во-первых, полная антропоцентричность и, более того, эгоцентричность нашего взгляда на время (хотя, как уже было показано, на его бытие вне человеческого взгляда были разные воззрения), во-вторых, не существование для нас будущего времени самого по себе как объекта наблюдения и познания, а лишь угадывание его.

Языковое время в трудах античных авторов

Следует, однако, обратить внимание не только на чисто философские взгляды, но также и на рассмотрение древними авторами функционально-семантической категории будущего времени в языке.

Первые известные упоминания категории времени как признака, отличающего глагол от имени, принадлежат Аристотелю [5, с. 89]: «Глагол есть звук сложный, значащий, с [признаком] времени и такой, части которого сами по себе незначащи, как и в именах. Так, [слова] „человек“ или „белый“ не означают времени, а „идет“ или „пришел“ означают сверх всего настоящее время или прошедшее» [6].

В дальнейшем понятие времен глагола разрабатывали философы Древней Стои (III–II вв. до н. э.). Они не только изучали греческие темпоральные формы, но также и занимались исследованием семантики каждого из времен, что позднее позволит использовать соответствующую терминологию для описания латинского глагола [7, с. 495]. От стоиков первенство в языковых исследованиях на долгое время переходит к Александрии Египетской, важнейшему центру греческой учености. До нас, однако, дошло совсем немного из написанного там, и наиболее полно представлены позиции александрийских ученых в двух трудах: «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского и «Синтаксис» Аполлония Дискола [8]. В них говорится о глаголе как о носителе категории времени, причем выделяются три времени (прошедшее, настоящее и будущее), у которых есть подтипы, поднимаются вопросы сходства образования тех или иных временных форм, сочетаемости временных форм глагола и лексических средств темпорального указания.

Преемницей древнегреческой грамматической традиции становится римская традиция, в которой можно особенно выделить грамматики Доната и Присциана (IV и VI вв. соответственно), в той или иной форме служившие пособиями по изучению латыни вплоть до XVIII в.

В контексте нашей проблематики труд Доната (в двух частях: *Ars maior* [9] и *Ars minor* [10]) важен подробностью рассмотрения категорий глагола, в том числе разделением вида и времени. Как и в упомянутых выше трудах, здесь время делится на три части, при этом выделяется пять временных форм (презенс, имперфект, перфект, плюсквамперфект, футурум). Далее приводятся формы всех перечисленных наклонений во всех временах.

Работы Присциана, продолжающего традиции Аполлония и подводящего итог всему античному языкознанию, примечательны особым вниманием к имени и глаголу среди частей речи, что соотносится с современными синтаксическими концепциями. В труде «*Institutiones Grammaticae*» [11] довольно подробно освещается темпоральность глагола, приводится сравнение некоторых латинских и греческих форм, прямо обозначается неуверенность в высказываниях о будущем – «*futuri natura que omnino incerta est*» (общую характеристику трудов Доната и Присциана см. в [12]).

Итак, в настоящей работе мы рассмотрели важнейшие труды древних философов и грамматистов, задавшие вектор дальнейших исследований будущего времени в языке.

Во-первых, принципиально важна осознанная в Античности неоднородность времени, деление которого производится относительно момента речи. Несмотря на то, что лингвистическая наука значительно продвинулась в темпоральных исследованиях, это до сих пор является предпосылкой, в том или ином виде сохраняемой лингвистами.

Во-вторых, уже древние философы говорят о том, что три традиционных составляющих времени – прошлое, настоящее и будущее – неравнозначны. Мы наблюдаем различные особенности описания этой неравнозначности, однако следует обратить внимание на проблему иллюзорности будущего времени в человеческом восприятии, его сильной зависимости от настоящего, гипотетичности высказываний о будущем. Эта проблема до сих пор волнует лингвистов, занимающихся исследованиями соотношения футуральности и модальности в языке, а также изучающих соотношение настоящего и будущего времени.

Составители первых грамматик древнегреческого языка, а потом и латыни, не могли не опираться на эту

философскую традицию (которая, в свою очередь, опиралась и на языковую рефлексию), и именно они сформировали понятийную и терминологическую базу для всех дальнейших исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассел Б. История западной философии : в 2 т. / Б. Рассел. – Т. 1. – М. : МИФ, 1993. – 509 с.
2. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке / П. П. Гайденок. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
3. Физика / пер. с древнегреч. В. П. Карпова // *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанского. – Т. 3. – М. : Мысль, 1981. – С. 59–262.
4. *Августин*. Исповедь / Августин ; пер. с лат. и комм. М. Е. Сергеевко ; предисл. и послесл. Н. И. Григорьевой. – М. : ГЕНДАЛЬФ, 1992. – 544 с.
5. Маслов Ю. С. Время / Ю. С. Маслов // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е (репр.) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 688 с.
6. Поэтика / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова // *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; общ. ред. А. И. Доватура. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – С. 645–680.
7. Бокадорова Н. Ю. Стоики / Н. Ю. Бокадорова // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е (репр.) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 688 с.
8. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
9. Donatus. *Ars maior* / Donatus // *Corpus grammaticorum latinorum*. – Mode of access: <http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/text.jsp>.
10. Donatus. *Ars minor* / Donatus // *Corpus grammaticorum latinorum*. – Mode of access: <http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/text.jsp>.
11. Priscianus. *Institutiones* // *Corpus grammaticorum latinorum*. – Mode of access: <http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/text.jsp>.
12. Шубик С. А. Языкознание древнего Рима / С. А. Шубин // *История лингвистических учений*. Древний мир / отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1980. – С. 233–256.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Егизарян П. Э., аспирант кафедры романского языкознания

E-mail: pavel@egizaryan.ru

Тел.: 8-916-439-20-91

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Egizaryan P. E., Post-graduate Student of the Romance Linguistics Department

E-mail: pavel@egizaryan.ru

Tel.: 8-916-430-20-91